

И. Н. Юркин

«...И ТОТ КРЕСТ РОЗТАЯЛ»: О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ, ЗАИНТЕРЕСОВАВШЕМ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПРИКАЗ

Настоящая статья написана по поводу случая, произошедшего на заводе промышленников Демидовых, – короткого эпизода в полувекковой его истории, на фоне рутинности производственного быта выделяющегося необычностью и допускающего неоднозначные истолкования при его осмыслении. Действующие лица описываемых событий – непосредственное окружение крупнейших российских предпринимателей петровского времени, места действия – завод и Преображенский приказ.

Документальный след событий, о которых пойдет речь, выявлен нами в документах двух российских архивов. Ранее эти материалы, кроме кратких упоминаний о них в наших работах, исследователями не обсуждались¹.

Демидовы в 1720 г.

Промышленная династия Демидовых, вступив в большой бизнес за четверть века до описываемых ниже событий, не только в нем укрепилась, но и успела разделиться на три ветви. Важнейшую из них представляли родоначальник Никита Демидович Демидов (Антофеев) и его старший сын и наследник Акинфий. Никита осуществлял общее руководство семейным бизнесом, охватившим к этому времени обширную территорию. Постоянно разъезжал в связи с этим по стране – встречаем его в Туле, на Урале, в Москве, Петербурге. Особое место в промышленном хозяйстве занимала наиболее динамично развивавшаяся уральская его часть. Всеми делами на уральских заводах распоряжался постоянно живший там Акинфий Никитич. Остальным управляли доверенные приказчики.

Год 1720-й для семьи и окружения Демидовых в Туле, где находился их первый металлургический завод, был пустым, бессобытийным. Единственное исключение – то, что шурин (брат жены) Акинфия Демидова Семен Иванович Пальцов, главный приказчик на Тульском заводе, привлек внимание Преображенского приказа.

На Пальцова донес сидевший в этом приказе каторжник Игнатий Меркулев. Попавший на каторгу за кражу демидовских «пожитков», он с нее бежал. Вернувшись в Тулу, прятался у казенного кузнеца Ильи Рунды. Семен Иванов (так, без фамильного прозвания Пальцов, его именуют в документах, касающихся этой истории) организовал на него облаву – отправился к Рунде с восемью работниками. Пока поимщики ломались в сени, Меркулев ушел другим ходом. На беду на его пути встретился денщик

провинциальной канцелярии. От встреченных заводских работников он уже знал, кого ищут. Зная, Меркульева и поймал, после чего отвел на завод, где за усердие получил от Иванова гривну. Меркульева посадили на цепь². Некоторое время спустя его отпразднили в Преображенский приказ. Отсидев там несколько месяцев, будучи пытан, он вдруг объявил «слово и дело»: рассказал о якобы совершенном Ивановым преступлении.

Пальцовы и Пальцов

Отложив изложение сути дела, представим человека, которого обвиняли.

Семен Иванович Пальцов, родившийся, по одним данным, в 1695, по другим – в 1700 г., принадлежал к старому посадскому роду, тесно связанному с Тулой. Правда, в самой ранней из сохранившихся писцовых книг Тулы (1587–1589)³ Пальцовых в дошедшем тексте не найти, но не факт, что их не было в утраченных его фрагментах. А в писцовых книгах 1625-го и последующих лет носителей этой фамилии много. Один из них, Пальцов Якушка, в 1662 г. числился посадским старостой⁴, что подразумевает достаток выше среднего уровня. Дворы большинства Пальцовых находились вне деревянного города, в окружении церкви Владимирской иконы Божией Матери. В начале XVIII в. их было здесь так много, что район именовали Пальцовой слободой. К началу третьего десятилетия многие Пальцовы переселились ближе к городской крепости, стали прихожанами церкви Казанской иконы Божией Матери. Один из них, Пальцов Тимофей Нефедов сын, в 1728 г. был в этом приходе церковным старостой⁵. Но несколько семей Пальцовых оставались все еще в слободе, которой дали имя.

Линия рода, к которой принадлежал главный фигурант рассматриваемого дела, идет от Лукьяна Пальцова, правнуком которого был Иван Яковлевич Пальцов, родившийся около 1650 г. Ему и братьям принадлежали несколько лавок в рядах тульского торгового Железного, Мясного и других. По сведениям переписной книги 1720 г., жену Ивана звали Марией, сыновей Абрамом (Авраамом, 25 лет), Семеном (20 лет) и Иваном (15 лет), все трое были уже женаты⁶.

Дочь Ивана Акимья (Евфимия) стала второй женой Акинфия Никитича Демидова. Нам неизвестно, когда был заключен их брак, но в июле 1710 г. 17-летняя Евфимия с мужем и двухнедельным сыном Прокофием жила уже на Урале, на Невьянском заводе, на дворе «ружейного мастера» и комиссара Никиты Демидова⁷. В том же дворе, судя по переписной книге, проживал и ее 15-летний брат Семен Иванов. Приехал ли он сюда с сестрой или от нее независимо – неизвестно. Допускаем, что жил тут не первый год. Предположить это позволяет собственное его свидетельство более позднего времени: слова о том, что он с «708 году работал [...] при сибирских и тульских воденых железных заводах умершаго камисара Никиты Демидова и обучился завоцкому мастерству». Судя по всему, обучение пошло впрок. Хозяин определил его «для смотрения на Тульских заводах за мастерами и работниками, и ко всяким покушкам, и к приходу и расходу прикащиком»⁸.

Карьера его братьев складывалась не столь успешно, хотя тоже неплохо. В 1715 г. ни отца, ни сыновей ландратская книга в Туле не отмечает: вероятно, они находились тогда в отъезде и были переписаны по фактическому месту проживания. Их возможное местонахождение подсказывает переписная книга 1720 г., в которой тульский двор Ивана Яковлевича Пальцова отмечен (находился в приходе Казанской церкви), однако про

него самого сказано, что он «съехал в Сибирь»⁹. Относится ли это и к перечисленным далее сыновьям – из текста не ясно. Полагаем, что нет, иначе не имело бы смысла записывать семью по Туле в документе, имевшем фискальное значение. И все же старший из братьев, Абрам (Авраам), давно живший отдельно от младших и ведший собственный торг, в Туле не устоял: в 1721 г. с женой и имуществом отправился в Сибирскую губернию, в Верхотурский уезд, «для житья вечного»¹⁰.

В отличие от брата, Семен Пальцов, в юности тоже побывавший на Урале, проведет свою жизнь в Туле. Когда Тульский завод перейдет к Акинфию Демидову, Семен станет здесь самым главным, самым доверенным его приказчиком. Станет богатым человеком – обзаведется каменным домом, владельцу которого будет не стыдно предложить гостеприимство императрице, а той – принять приглашение. Он породнится со всеми богатейшими промышленными династиями Тулы.

Но это в будущем. А пока – пока перед нами сравнительно молодой (по одним данным, 20, по другим – 25 лет) демидовский приказчик, свойственник заводоладельцев. И он попадает в беду.

У домны и в застенке

Что же *такое* рассказал Меркульев о Пальцове?

Описанный им инцидент произошел на Тульском заводе в доменном амбаре, где находились Семен Иванов, пребывавший там «для всяких записок», «литух» (литейный мастер) Ефим Городной и сам Игнатий Меркульев. По словам последнего, Иванов снял со стены медный крест, положил его под ноги в песок и велел литуху лить на него «горячее железо» (подразумевается чугун). Видя это, Игнатий сказал Семену, что тот «делает дурно», Семен якобы ему на это нечто ответил (что именно – разберем дальше). Крест в жидком чугуне «розтаял». Игнатий отнес чугунную лепешку в приказную избу и известил о происшествии приказчика Ивана Боровка, однако тот ничего на это не сказал. Позже Меркульев случай с крестом ни с кем не обсуждал, тем более что вскоре уже и рассказывать было некому: его отправили в Преображенский приказ. Там он тоже до поры молчал – «за болезнями и за розысками, и чаял, что о том донесет помянутой приказшию». Но, услышав, что о таких делах здесь доносят, рассказал¹¹.

Не исключаем, что извет Меркульева с самого начала вызвал у следователей определенное недоверие. Как и для чего появился Игнатий в доменном амбаре? Почему с ним не было никого из охраны? (Если бы кто-то был, оказался бы свидетелем и Меркульев его бы, несомненно, назвал.) Почему Пальцов, человек, стоявший на заводе, как сообщает документ, выше даже приказчика Боровка, с ним, беглым каторжником, вообще стал разговаривать, к тому же, как уточняет Меркульев, «один на один»? (Кстати, возможно ли было уединиться, стоя перед домной?) Почему в речи Иванова звучали «непристойные слова» (сообщим их позже), подразумевавшие опасные мысли? Почему об этом не донесли те, кто мог слышать их из первых (Городной) или вторых (Боровок) уст? Сомнения возникали, однако игнорировать донос было невозможно.

8 апреля 1720 г. в Преображенском приказе был подготовлен указ в Тульскую провинциальную канцелярию, поданный туда 16 апреля прибывшим в Тулу солдатом Никифором Семибратовым. Тому поручалось доставить в Москву участников события – Иванова, Городного и Боровка. Прибывшим за ними на завод Никита Демидов

сказал, что Боровок в Ельце, а «Ондрея Городного такого именем на заводех в работниках у него наперед сего не бывала» (и не солгал: в московском указе по ошибке записали не то имя, которое назвал Меркульев). Иванова пришлось предъявить. Семибратов оставил его под караулом на заводе, а сам пошел к воеводе для взятия «в прибавку салдат». К тому времени, когда он направился забирать арестованного, кто-то (конечно, Демидов) попытался провести спасательную операцию – отправить Иванова под защиту Оружейной канцелярии. (Заметим, что Пальцов к этому учреждению, в ведении которого состояли из тульских жителей исключительно казенные кузнецы, никакого отношения не имел, поскольку был посадским.) Преображенец и данные ему воеводой провожатые встретили Иванова на дороге и у «незнаемо каких людей», как потом выяснилось, двух драгун, отбили¹².

В конечном счете в Преображенский приказ доставили всех, кто требовался. Началось следствие.

Пристальный интерес вызывала история про крест, которую доноситель подавал в неблагоприятном для Пальцова свете. В интерпретации Меркульева она давала повод подозревать множество грехов – «еретичество», раскол, «иконоборство». Бросить крест под ноги – как минимум выразить публичное неуважение к важнейшему христианскому символу, соответственно, к православной церкви. Расплавление креста – действие формально нейтральное, но необычное и уже этим подозрительное. Акцентируя на этом внимание, Меркульев пытался утверждать, что не он один так его понял. На очной ставке с Боровком он заявил, что и тот заподозрил в действиях Иванова что-то нехорошее. Будто бы Боровок, после того как Игнатий рассказал ему о расплавлении креста, «бранясь с тем Семеном, говорил: „Полно де ему, Семену, еретничать“. А что еретичество – не выговорил, и за что бранились – не знает. А Семен говорил, какое ево, Семеново, еретичество, чтоб он сказал. И тот Боровок о том умолчал». Но эта полемика, косвенно обнаруживающая подозрения Боровка, велась и на этот раз без свидетелей («А при тех словах был он, Игнатей, а иных никого не было»)¹³.

Пальцов дал описанным событиям объяснение вполне правдоподобное. В рабочих избах, рассказал он, случился пожар, сгорели находившиеся там «святые образы». Он хотел сделать форму с медного креста и, используя ее, отлить кресты чугунные, чтобы отдать их в те избы «для поклонения»¹⁴.

Меркульев, мнение которого о наличии у действий Иванова преступного подтекста не подтверждалось, от части обвинений вынужден был отказаться. Теперь он твердил лишь о том, что «в такое непотребное место (под ноги. – *П. Ю.*) креста Господня класть было неприлично». От того, что предлагал увидеть в происшествии первоначально, отгородился, сказав, что «за тем Семеном раскол и иконоборство ест ли – не знает, и ни от кого не слышал». Признал, что поводов обнаружить свое неверие Иванов не подавал, напротив, сам Игнатий «видал, что тот Семен, вошед к хозяйке в хоромы, образам маливался»¹⁵.

Столь же однозначно свое отношение к религии и церкви выразил и Семен: сказал, что «восточной церкви повинуетца, и имеет у себя отца духовного, и на исповеди бывает». Прочие это подтвердили: Боровок заявил, что Семена еретиком не называл. Городной высказался пространнее – что «за Семеном Ивановым расколу и иконоборства не знает, и тому кресту, которой стоял в том анбаре, и прочим святым иконам он, Семен, кланялся, и в церковь хаживал. И отец у него духовной есть: прихоцкой их церкви николаевской поп Илья Васильев»¹⁶.

Но извет Меркульева содержал еще одно обвинение. Между ним и Ивановым в доменном амбаре якобы имел место следующий диалог.

«И он де, Игнатей, тому Семену стал говорить, что он делает дурно, ныне де государь таких людей выскивает. И тот де Семен ему говорил, один на один: „Чево де ему, государю, верить? Видишь де какая в народе тягость стала. Будет де под чугоном тот крест уцелеет, то де ему, государю, мочно верить“. И то горячее железо збросил, и тот крест розтаял. И тот Семен говорил: „Вот де чему молитца будет, веть де растаял весь“»¹⁷.

Иванов на это отвечал коротко, что «учинил он то спроста, недознанием, чаял, что не розстает»¹⁸. Непристойных слов не произносил.

Единственным, кто еще стоял в тот момент у домы, был Ефим Городной. Он слова Меркульева не подтвердил; больше того: выразил сомнение в самом факте присутствия изветчика в амбаре. «И при том как он, Ефим, на тот крест железо лил, Игнатей Меркульев в том амбаре был ли, и какие слова о том кресте ему, Семену, говорил ли и, подняв железо к прикащику Боровку приносил ли, и на того Семена в чем извещал ли, не слышал». А происшествию с крестом профессиональный литейщик дал вполне рациональное объяснение: «От того железа тот медной крест ростошился и железо испортилось потому, что песок был сух»¹⁹. Говоря современным языком, всему виной была неправильно подготовленная формовочная масса.

Таким образом, и второе из выдвинутых Игнатием Меркульевым обвинений не подтверждалось. Видя тщетность попыток убедить следователей, он признался на исповеди в оговоре и попросил священника «донести, что он туленина Семена Иванова в извете поклепал напрасно». И честно потом объяснил, почему так поступил. «А с трех пыток и с огня (было ему 120 ударов) говорил: „Того де Семена непристойными словами, и будто тот же Семен бросил нечестно крест, поклепал он напрасно за то, что ево, утеклеца, оставили, и не поили, и не кормили, и милостины не присылавали“»²⁰. То есть оболгал своего обидчика он от голода, из расчета, что, пока идет следствие, умереть голодной смертью ему не дадут.

Игнатий Меркульев умер не голодной смертью – он был казнен²¹. Оговоренный им Семен Пальцов указом из Преображенского приказа от 3 сентября 1720 г. был «свобожон, для того по розыску и по изследованию того дела он, Семен, очистился»²².

Слабые места в версии следствия

Итак, инцидент для Семена Пальцова был исчерпан. Но, отраженный в документах, он навсегда сохранил для нас и напряженную интригу, и, может быть, не до конца разгаданную тайну. Пытаясь ее разгадать, сталкиваемся с неопределенностью и многозначностью.

Интерпретировать события можно по-разному. Проще всего согласиться с принятым следователями Преображенского приказа объяснением Пальцова: расплавление креста – результат неудачного технологического эксперимента, предпринятого в ходе освоения производства новой продукции. Осмыслим его, после чего коротко остановимся на других вариантах.

Итак, если смотреть на вещи просто и не искать подтексты, перед нами всего лишь неудачный стартап. Но некоторые детали тех событий настораживают. Присмотримся внимательнее к Пальцову, человеку, который, по его словам, «обучился завоцкому

мастерству». Этому можно верить: за плечами молодого менеджера стоял 12-летний опыт практической работы на нескольких металлургических заводах. И уж, несомненно, Никита Демидов, назначая его на одном из своих заводов «для смотрения за мастерами и работниками», осознавал, кого поднимает над специалистами. Но, может быть, те были подчинены ему лишь организационно? Если и так, то не исключительно так. Судя по тому, что в центральном эпизоде этой истории литейный мастер беспрекословно выполняет приказание Пальцова, его слушались и в технических вопросах. Учтя это, можно ли допустить, что Семену Пальцову было неизвестно, что температура плавления меди невысока и жидкий чугун, если он перегрет выше этой температуры, способен ее расплавить? Конечно, в отличие от нынешних металлургов, литейщик не мог знать, насколько тот перегрет: средств измерения температуры жидкого металла в то время не существовало. Тем не менее по косвенным признакам оценивать ее хорошие мастера умели уже тогда. Но, получается, не Пальцов.

Однако в пыточной Преображенского приказа огнем хоть и пользовались, но для других целей. И бывших металлургов среди его сотрудников, судя по всему, не было. Вопросы, касавшиеся технологии, им на ум не приходили.

Между тем отнюдь не исключено, что Пальцов ожидал расплавления креста. Об этом говорит то, что устроенное им шоу имело, если верить доносителю, словесное предупреждение. «Видишь, какая в народе тягость стала», – то ли утверждал, то ли спрашивал он у собеседника. И предлагал следить за тем, что вскоре произойдет: «Будет под чугуном тот крест уцелеет, то ему, государю, мочно верить». Если бы целью эксперимента было «зделать с того креста фурму и лить кресты чугунные», говорить подобное не имело бы смысла. Как и последовавшие за этим более чем двусмысленные слова, насчет «чему молиться».

Нет, то, что произошло с крестом, рано списывать на техническую ошибку. Крест мог расплавиться для участников эксперимента неожиданно, а мог быть расплавлен ими специально. Но с какой целью?

Альтернативные версии

Ответа на этот вопрос у нас нет. Представляется возможным наметить несколько направлений его поиска.

1. Первое опирается на предположение, что цель Пальцова – уничтожение объекта, религиозное поклонение которому недопустимо в принципе, поскольку является проявлением идолопоклонства. Это было бы возможно, если бы Пальцов принадлежал к какой-то из этноконфессиональных групп вроде известных по более позднему времени духоборов и молокан. Остается найти такую группу, подходящую по времени и месту, если, конечно, такая существовала, и обнаружить в окружении Пальцова проявления ее деятельности.

2. Подозреваемая цель та же – уничтожение креста. При этом крест как символ предметом поклонения остается, хотя по какой-то причине в глазах Пальцова конкретный его экземпляр или ограниченная совокупность скомпрометированы. Такая ситуация могла возникнуть, если Семен Пальцов был связан со старообрядчеством. В более позднее время (1770-е гг.) среди тульских записных старообрядцев Пальцовы были²³; не исключено, что были и раньше. Еще выше вероятность, что некоторые Пальцовы

входили в число старообрядцев «потаенных». Известно, что беспоповцы, принадлежавшие к поморскому согласию, признавали за истинный далеко не всякий крест – почитали только восьмиконечный, при этом не принимали изображения на них Господа Саваофа и Духа Святого в виде голубя²⁴. А связи свойственников Пальцова Демидовых со старообрядцами именно поморского согласия, причем как раз в 1720 г., установлены надежно²⁵. Не исключаем, что крест, находившийся в доменном амбаре, их критериям не удовлетворял. Пальцов, если был потаенным старообрядцем, вполне мог отнестись к нему как к неистинному.

3. В рамках этого варианта продолжаем считать, что Пальцов уничтожил крест осознанно. Но теперь предполагаем, что он руководствовался какими-то оставшимися скрытыми обычаями (включая обряды), связанными, например, с дохристианской традицией. В литературе описаны примеры обрядов, в которых сжигается крестообразный объект или конструкция, но все они далеки от хронотопа рассматриваемого эпизода²⁶.

4. И, наконец, последний вариант. Он опирается на предположение, что Пальцов не преследовал цели уничтожить крест. Более важным для него могло быть само действие, сценарий которого включал манипуляции с крестом. Соответственно, и цель следует искать, анализируя смысл именно действий. Рассмотренное под таким углом зрения расплавление креста, использованного, по сути, в качестве реквизита, превращается в побочный результат. Поиск в этом направлении можно вести, если сделать акцент на гадании, о котором, по уверениям Меркульева, говорил Пальцов. Как мы помним, позже доноситель это обвинение снял. Но не потому ли, что просто отчаялся в возможности его доказать?

Подчеркнем, что мы перечислили эти варианты не потому, что отвергаем выводы дознавателей 1720 г. Пальцов оправдывался убедительно, да и Меркульев от обвинений в конце концов отказался. Но и полной веры в то, что следователи добрались до истины, у нас тоже нет. Пальцов и стоявшие за ним Демидовы непросты. Во всяком случае, изучая их связи со старообрядчеством, эту историю следует иметь в виду.

¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221, 1277; ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 120, 122.

² РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1277. Л. 1 об., 2, 3 об.

³ Города России XVI века : материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 253–291.

⁴ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 107. Л. 196.

⁵ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1073. Л. 1.

⁶ Тула : материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884. С. 154.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1539. Л. 466.

⁸ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1030. Л. 14.

⁹ Тула : материалы для истории города XVI–XVIII столетий. С. 154.

¹⁰ Юркин И. Н. Демидовы в Туле : из истории становления и развития промышленной династии. Тула, 1998. С. 161–165.

¹¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 1 об. – 2 об.

¹² ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–7 об.

¹³ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Л. 1221. Л. 5–5 об.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 5, 5 об.

¹⁶ Там же. Л. 3 об., 5 об., 6 об.

¹⁷ Там же. Л. 1 об. – 2.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 6–6 об.

²⁰ Там же. Д. 1277. Л. 4, 5 об.

²¹ Там же. Л. 5 об.

²² ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

²³ Юркин И. Н. Демидовы в Туле. С. 203.

²⁴ Глущова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2000. С. 21.

²⁵ Юркин И. Н. Демидовы. Столетие побед. М., 2017. С. 255.

²⁶ Фрэнгер Дж. Золотая ветвь : исследование магии и религии. М., 1980. С. 347, 684, 689.